

["Российская газета" - Федеральный выпуск №4756](#)

Директор Российского центра судебно-медицинской экспертизы Владимир Клевно - о закрытых переломах, установлении отцовства и останках царской семьи

16 сентября вступил в силу документ, который поставил точку в создании новой законодательной базы для судебно-медицинской экспертизы. Что это означает для практики? В каких случаях граждане могут обращаться к судмедэксперту? На что способна сегодня судебно-медицинская наука? На эти и другие вопросы в ходе "горячей линии" в "РГ" ответил директор Российского центра судебно-медицинской экспертизы, главный судмедэксперт Минздравсоцразвития РФ, доктор медицинских наук, профессор Владимир Клевно.

Доказательство принимается

Российская газета: Владимир Александрович, объясните, что за документ вы получили в руки? Что это означает для системы судебно-медицинской экспертизы и для граждан?

Владимир Клевно: С 1 января 1997 года действует новый Уголовный кодекс РФ. Он изменил квалификацию преступлений за причинение вреда здоровью (по старому кодексу РСФСР - за причинение телесных повреждений). Он ввел в оборот совершенно новое понятие, более широкое, чем ссадины и царапины. Это в корне меняло порядок определения степени тяжести вреда здоровью. Нужно было его изменить. Для этого необходимо было подготовить пакет подзаконных актов. Длительное время все это откладывалось. Только в 2005 году минздравсоцразвития дал поручение подготовить пакет таких документов: федеральный закон, постановление правительства и медицинские критерии определения степени тяжести вреда здоровью.

Федеральный закон был принят в 2006 году, постановление правительства - в 2007 году, медицинские критерии утверждены приказом министра здравоохранения и социального развития в 2008 году. Чем обернулся этот правовой вакуум, который существовал по сути больше 10 лет - с 1997 года? Уголовное производство предусматривало ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью - ст. 111 УК РФ, средней тяжести вреда здоровью - ст. 112 и легкого вреда здоровью - ст. 115. А наши эксперты определяли степень тяжести телесного повреждения по правилам 1978 года. В 2000 году мой предшественник вместе с руководителем управления

криминалистики Генпрокуратуры направил письмо в регионы с предложением - в случае определения степени тяжести вреда здоровью необходимо пользоваться правилами 1978 года (определения степени тяжести телесного повреждения), но в терминах нового Уголовного кодекса, то есть называть это все вредом здоровью.

И, естественно, такое письмо не могло не вызывать, мягко говоря, иронии у адвокатов. Эта ситуация давала адвокатам мощное оружие для того, чтобы развалить любое дело. И многие из них, если нужно было уберечь своего подзащитного от наказания, заявляли ходатайство о признании заключения эксперта недопустимым доказательством, то есть не имеющим законной силы. Теперь же мы, наконец, получили полную нормативную правовую базу.

Медицинские критерии, по сути дела, являются медицинской характеристикой квалифицирующих признаков вреда здоровью. В Уголовном кодексе не записано, что такое вред здоровью, опасный для жизни, или что следует понимать под потерей зрения, что следует понимать под потерей слуха и так дальше. И для этого необходимо было разработать медицинские критерии.

РГ: Правда ли, что степень тяжести вреда теперь оценивается по-другому? То есть то, что раньше считалось вредом средней тяжести, теперь относится к тяжким? (Иван Нестеров, Калуга.)

Клевно: В некоторых случаях. Наши старые правила 1978 года гласили, что можно дать заключение лишь по выздоровлению. Представьте себе ДТП, человек получает травму - закрытый перелом бедра. По старым правилам только открытые переломы бедра, большеберцовой кости и плеча можно было квалифицировать как тяжкий вред здоровью. А закрытые переломы бедра, большеберцовой кости и плеча, а также других крупных костей - как средней тяжести. Хотя сроки заживления как открытых, так и закрытых переломов крупных костей и суставов примерно одинаковы, те и другие без оказания медицинской помощи заканчиваются значительной стойкой утратой общей трудоспособности. Предполагая такие исходы, наши эксперты, ссылаясь на пп. 36 Правил 1978 года, отказывались давать заключение, ссылаясь на то, что человек должен выздороветь - вдруг у него будет ограничение подвижности или еще какие-либо осложнения. Но с переломом бедра потерпевшие лечатся больше 6 месяцев, а сроки административного производства - 1-2 месяца. Поэтому и было решено найти такие критерии оценки тяжести вреда здоровью, чтобы можно было сразу давать заключение.

РГ: С какого времени будут действовать новые правила определения тяжести телесных повреждений и будут ли они распространяться на те события, которые имели место до введения их в действие? (Нина Алексеевна, Иркутск.)

Клевно: Приказ министра здравоохранения и социального развития N 194н от 24 апреля 2008 года, зарегистрированный в миносте 13 августа, после опубликования в "Российской газете" вступил в силу с 16 сентября. С этого дня все врачи - судебно-медицинские эксперты обязаны определять степень тяжести вреда,

причиненного здоровью человека, используя медицинские критерии, утвержденные этим приказом. Если следователь или судья в постановлении напишет о том, что травма, повреждение или событие были до 16 сентября, то судебно-медицинский эксперт обязан указать, что в соответствии с действовавшими на тот период времени нормативно-правовыми актами вред, причиненный здоровью человека, квалифицировался бы по такой-то степени тяжести, ссылаясь на документ, который действовал до 16 сентября.

На довольствии у субъекта

РГ: Ваши специалисты принимали участие в ликвидации последствий авиакатастрофы в Перми. Вы уже рассказывали о том, что пришлось собрать и исследовать более 900 фрагментов останков. У вас не было проблем с лабораторной базой? Как вы в целом оцениваете материально-техническое состояние вашей службы? Говорят, в регионах оснащение бюро судебно-медицинской экспертизы остается на уровне прошлого века.

Клевно: К сожалению, это так. Судебно-медицинская экспертная служба, по сути, всегда работает в пожарном порядке и, по большому счету, не имеет ни специального оснащения, ни специальной одежды, да много чего нет для судебно-медицинского обеспечения ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

РГ: В отличие от МЧС?

Клевно: В отличие от МЧС, да. Здесь, конечно, нужно принимать меры. Я и раньше готовил документы в соответствующие органы и еще буду готовить по последним событиям - в Южной Осетии и Перми. Направлю обращения в адрес Совета безопасности, президента РФ, премьер-министра о том, что нам нужно пересмотреть и переоснастить это направление судебно-медицинской экспертизы. Я предлагал такую модель, чтобы в каждом федеральном округе были мобильные комплексы, которые могли бы выезжать на места чрезвычайных ситуаций, связанных с многочисленными человеческими жертвами. Это должны быть передвижные холодильные камеры, палаточные модульные помещения, одно бы из них называлось, допустим, полевой морг, другое - полевая лаборатория и так далее.

Мы, кстати, в прошлом году в городе Суздале проводили учения по взаимодействию бригад быстрого реагирования бюро судебно-медицинской экспертизы, органов прокуратуры, МЧС и медицины катастроф по взаимодействию в чрезвычайных ситуациях, связанных с многочисленными человеческими жертвами. В Суздале имитировалось падение самолета. И там прямо в палатке нам удалось установить личность "погибшего". Есть специальная программа, которая, в частности, позволяет с помощью фотосовмещения сразу идентифицировать личность, если обнаруживали манекен, так сказать, с лицом. То есть делали его фотографию, вводили в компьютер, который по своей базе данных находил подобного человека.

Конечно, когда речь идет о таких ситуациях, как в Перми, этот метод не подходит - там были слишком мелкие фрагменты человеческих тел. В этом случае для установления

личности обязательно нужны молекулярно-генетические исследования. Во всем мире в подобных ситуациях делается генетическая экспертиза, без нее уже ни один суд не принимает заключение экспертов. Даже в алиментных делах, если раньше суд принимал решение на основе свидетельских показаний, то сейчас это уже не проходит. Для установления отцовства обязательно нужна молекулярно-генетическая судебно-медицинская экспертиза. И, понятно, для этой работы требуется современная лабораторная база.

РГ: Ваша служба подчиняется непосредственно минздравсоцразвития?

Клевно: Скажу так. Наш центр является подведомственным учреждением минздравсоцразвития. И мы единственное в системе судебно-экспертных медицинских учреждений федеральное учреждение. Те бюро судебно-медицинской экспертизы, которые расположены в субъектах Федерации, образованы исполнительными органами власти субъектов и находятся на их бюджете. То есть юридически мы не являемся единой федеральной службой. Наш центр обеспечивает лишь единое научно-методическое пространство для производства экспертиз. Управлять региональными бюро мы не можем. Отсюда и многие проблемы. Например, укомплектованность кадрами в целом по стране составляет всего чуть больше 30 процентов.

РГ: Грязная работа?

Клевно: В каком-то смысле - да. Но не в этом дело. Зарплата низкая, поэтому люди вынуждены работать на две-три ставки, чтобы хоть как-то продержаться. Соответственно - очень высокие нагрузки.

Другая проблема. В связи с разграничением полномочий между уровнями власти встал вопрос: если бюро судебно-медицинской экспертизы - государственное учреждение и осуществляет функции по производству судебных экспертиз для судов, Следственного комитета, МВД, ФСБ и так далее, то почему субъект должен содержать такое бюро? На мой взгляд, абсолютно правомерный вопрос, но, увы, никак не может решиться. При этом для федерального бюджета содержание всей службы было бы совершенно не накладно. Скажем, в прошлом году текущие расходы (зарплата, телефоны, почтовые и транспортные расходы, аренда и так далее) на содержание всех бюро судебно-медицинской экспертизы обошлись в 4,8 миллиарда рублей.

Вторая сторона этой проблемы. Уголовно-процессуальный закон позволяет следователю назначить экспертизу в любое судебно-экспертное учреждение. Например, следователь с Камчатки может назначить экспертизу в Москву, в наш центр, или кому-то еще, не важно. И любое бюро обязано это сделать. Но дело в том, что, например, Ленинградское областное бюро не хочет делать бесплатные экспертизы для Новгородской области и тоже по-своему право. Почему? Потому что оно на финансировании в субъекте Федерации, и субъект выделяет средства для того, чтобы это бюро обслуживало его территорию. А Следственный комитет говорит: нас это не интересует, вы по закону обязаны нам делать экспертизы бесплатно.

РГ: С 1 января вступит в силу закон о геномной регистрации граждан. Кто будет заниматься генетической экспертизой - вы?

Клевно: Закоперщиком этого закона является МВД, мы стоим на втором месте, потому что основные объемы после МВД идут за нами. МВД будет содержать банк данных. Они купили себе 34 лаборатории. Мы себе ничего этого позволить не можем, потому что минздравсоцразвития может дать деньги только нам как федеральному учреждению, а субъектам ничего дать не может. В субъекте же на первых местах больницы, поликлиники, а какое-то бюро судебно-медицинской экспертизы уже на последнем месте. В целом по стране в учреждениях судебно-медицинской экспертизы мы сейчас имеем 27 лабораторий ДНК-анализа. Но все они не соответствуют международному и национальному стандарту. И сейчас, когда в силу вступит закон о геномной регистрации, они не смогут нам давать такие профили ДНК, которые можно было бы нам вносить в базу данных. В нашей системе только у нашего центра все есть, потому что всю методику мы предлагаем - и для МВД, и для всех. И еще Ленинградское областное бюро имеет такой же набор оборудования и может участвовать в этой работе.

Я предлагаю сделать таким образом: пока мы все субъектовые бюро не можем взять, давайте откроем в центрах федеральных округов филиалы нашего Российского центра судмедэкспертизы. Поставим там геномные лаборатории. (Кстати, каждая лаборатория стоит полтора миллиона евро.) Там можно было бы поставить мобильную технику: автомобиль, рефрижератор, палатки и так дальше.

Прикоснулся к стакану - оставил ДНК

РГ: Владимир Александрович, сейчас остро стоит проблема с трансплантологией. Постоянно появляются какие-то слухи, скандалы. Скажите, судмедэксперт всегда должен присутствовать при изъятии органов?

Клевно: Да, он должен присутствовать и констатировать наступление смерти.

РГ: А вы никогда не сталкивались с криминалом в трансплантологии?

Клевно: Вы знаете, кроме московского дела, которое у всех на слуху, никаких других случаев я не знаю. Но это, конечно, спорное дело.

РГ: А если живой человек сам соглашается отдать, например, почку, судмедэксперт требуется?

Клевно: Зачем? В этом случае - нет. Это право человека. Допустим, родственнику нужна почка - таких ситуаций очень много.

РГ: Скажите, ваша служба оказывает платные услуги населению? Если да, то какие?

Клевно: Населению мы никаких услуг не оказываем, мы — специализированное учреждение, созданное для обеспечения деятельности правоохранительных органов,

судов, следствия и так далее. Поэтому все только через суд, даже спорное отцовство. В принципе можно прийти и сказать: сделайте мне генетическую экспертизу. И ему, конечно, могут сделать. Но такое заключение не будет являться доказательством в суде. Поэтому мы всегда говорим: если вы хотите узнать, ваш ли это ребенок, обращайтесь в суд. Но вы же не просто хотите узнать, вы же, наверное, хотите получить алименты, еще какие-то возмещения. Поэтому вам нужно заключение экспертов, полученное в рамках судебного дела. Если даже экспертиза выполнена через день после окончания производства по делу, такое заключение считается недопустимым доказательством.

РГ: А если человек не собирается судиться, а просто для собственного спокойствия хочет убедиться, что ребенок - его?

Клевно: Можно прийти и сдать кровь по заявлению.

РГ: Из пальца или из вены?

Клевно: Из пальчика берется — достаточно одной капли крови. А еще потребуется паспорт и фотография. И, конечно, кровь ребенка и матери (отца). И мы можем ответить на мучающий вопрос.

РГ: То есть обязательно трое должны в этой ситуации сдать кровь?

Клевно: Да. Обязательно трое.

РГ: Как быстро делается такой анализ?

Клевно: Примерно неделю.

РГ: И сколько стоит такое удовольствие?

Клевно: Наверное, около 25 тысяч рублей. Где-то так.

РГ: Скажите, если речь об установлении отцовства, а один из родителей умер... Скажем, эта громкая история с Бадри Патаркацишвили, у которого две или три жены оказалось. В таком случае, чтобы доказать родство, нужна эксгумация тела?

Клевно: Не обязательно требуется кровь. Можно использовать различные образцы. Например, есть расчески, на которых остались волосы. Могут быть и пятна крови где-то. Потожировые отпечатки, слюна - все годится для генетической экспертизы. Вот я прикоснулся к стакану - оставил здесь свой ДНК. Но можно в крайнем случае и эксгумацию провести, если на то будут воля и согласие. Если близкие родственники против, могут быть проблемы. Но, как правило, что-то находится всегда.

РГ: Скажите, чего не может судмедэксперт с точки зрения науки, а хотелось бы мочь?

Клевно: Много чего не может. Но при этом судебно-медицинская наука стремительно развивается. И, конечно, высшим примером являются генетические исследования. Они формализованы, они обсчитываются, они выражают достоверность процента, чего нельзя сказать о многих других методах исследования. Поэтому вот это направление сейчас очень перспективно. Но не только.

Буквально на днях у нас была презентация одной известной американской фирмы. Ее представители показывали и рассказывали, как с помощью их приборов и расходных материалов можно идентифицировать однояйцовых близнецов. Оказывается, очень просто - по микрофлоре, проживающей в человеке. То есть все люди, даже если они однояйцовые близнецы, имеют разную микрофлору. И американцы сейчас, кстати, ведут серьезные изыскания и предлагают новое оборудование, которое ускоряет процессы производства традиционно генетических исследований в десятки, в сотни раз. Скажем, какие-то традиционные анализы сейчас длятся 5-6 часов, а их метод ускоряет ответ до нескольких десятков секунд.

Инвалидность признают в суде

РГ: Производственный травматизм - ваша тема?

Клевно: Степень утраты профессиональной трудоспособности на производстве устанавливается учреждениями медико-социальной экспертизы (МСЭ). Во всех случаях, не связанных с производством, степень утраты профессиональной трудоспособности устанавливается в учреждениях судебно-медицинской экспертизы, то есть у нас. Все, что связано с производственной травмой, прежде всего с преступлениями, с умышленным причинением вреда здоровью, - это прерогатива судебно-медицинской экспертизы.

РГ: В редакционной почте много жалоб на работу бюро медико-социальной экспертизы. Если пострадавший на производстве не согласен с выводами МСЭ, он может к вам обратиться?

Клевно: К нам не может с улицы прийти человек и сказать: хочу, чтобы мне провели экспертизу тяжести вреда здоровью. Потому что основанием для производства судебно-медицинской экспертизы является постановление следователя или определение суда. В год мы проводим 1,5 миллиона экспертиз живых лиц. Это по стране. Из них примерно 97 процентов - это экспертизы по определению вреда, причиненного здоровью человека.

РГ: Если человек на производстве погиб, это ваше дело?

Клевно: Поводом для назначения судебно-медицинской экспертизы являются все случаи насильственной смерти. Если человек на производстве погиб, конечно, это насильственная смерть. В случаях обнаружения трупа в общественном транспорте, обнаружения трупа без документов назначается судебная экспертиза. В случае обнаружения останков, в случае смерти в санитарном транспорте ("скорая помощь"

везет - он умер) требуется судебно-медицинская экспертиза. То же самое в случаях жалоб родственников на неправильное оказание медицинской помощи - таких сейчас все больше и больше.

То есть поводов для назначения экспертизы довольно много. В 2007 году по России было проведено порядка 680 тысяч судебно-медицинских вскрытий. Это очень много. Одна Москва вскрывает 36 тысяч судебно-медицинских трупов, Санкт-Петербург - 26 тысяч. Для сравнения: в Берлине - максимум 5-7 тысяч в год.

Оставьте в покое царскую семью

РГ: Скажите, что происходит с генетической экспертизой останков царской семьи? Сейчас пошла новая волна. Принимаете ли в этом какое-то участие?

Клевно: Точку в этой экспертизе поставили еще в 1998 году, когда были проведены все экспертные исследования. И правительственная комиссия признала, что среди этих останков находятся останки Николая Александровича, Александры Федоровны и их детей. Но там недоставало двух останков, принадлежащих цесаревичу и Марии.

И вот длительное время любопытные люди искали. Они нашли останки, выкопали. Наши специалисты тоже принимали участие в исследованиях. И эти генетические исследования непосредственно производятся в Екатеринбурге в бюро судебно-медицинской экспертизы. Они установили, что эти останки принадлежат цесаревичу Алексею и Марии. То есть все останки сейчас установлены. Но из любопытства эти поиски продолжаются. Нашли рубашку, что ли, в Эрмитаже. Для нас же уже все ясно.

То есть обязательно трое должны в этой ситуации сдать кровь? Скажите, что происходит с генетической экспертизой останков царской семьи? Сейчас пошла новая волна. Принимаете ли в этом какое-то участие?

/strong